

И. В. Бердникова,

Омский государственный педагогический университет

«НЕОМИФОЛОГИЗМ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.

Статья посвящена рассмотрению взаимодействия литературы и мифа в литературе Великобритании XX столетия в виде использования мифологических сюжетов и образов. Рассмотрению подлежат эстетические взгляды писателей модернистского направления – как «субъективистского» его крыла (группа Блумсбери, В. Вульф, О. Хаксли, Д. Г. Лоуренс), так и рационалистического (П. У. Льюис, Т. Э. Хьюм, Т. С. Элиот), а также реалистического направления (Г. Уэллс, Дж. Голсуорси) в английской литературе XX в. Художественные установки литераторов рассматриваются в рамках современной философии (О. Шпенглер, Дж. Фрейзер, З. Фрейд, К. Юнг, А. Бергсон), с точки зрения эстетики «неомифологизма», художественные характеристики которого и его реализация в художественной литературе приводятся в заключении статьи.

Ключевые слова: «неомифологизм», антиномия «цивилизация – культура», традиция, абсолютные ценности.

В культуре начала XX в. как времени перехода от традиционного искусства реалистической направленности XIX в. к новому искусству намечается острая необходимость к возврату классической картины мира, т. е. «понимание бытия как единого упорядоченного, гармоничного, имеющего неизменные константы и смысл, а человека – как сущность органически причастного этому бытию, в него вовлечённого» [1]. В поисках путей упорядоченного объяснения хаотичной действительности и контроля над нею, обнаружения форм целостного представления сущности Вселенной происходит обращение к мифу. Мифология в силу своей изначальной символичности оказывается для представителей «новой», модернистской литературы приемлемым языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Миф как символическая форма по определению, данному Э. Кассирером (1874–1945) в «Философии символических форм» (1923–1929), есть «единственная и тотальная система, в терминах которой воспринимается весь мир» [2]. Мифология в XX столетии осмысливается как надэпохальная универсалия.

Взаимодействие литературы и мифа в начале XX столетия протекает непосредственно в форме «переливания», использования мифологических сюжетов и образов. Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством (проза Дж. Джойса, поэзия Т. С. Элиота, Э. Л. Паунда, У. Б. Йитса). Не менее значимым на данном этапе является и опосредованное влияние мифа на искусство и литературу – через научные концепции мифологии, эстетические и философские учения.

Особую важность для «неомифологической» культуры XX в. имеет интуитивистская теория французского мыслителя А. Бергсона (1859–1941), продиктованная протестом против материально-механистического восприятия жизни и культуры («Творческая эволюция», 1907), которая, в свою очередь, сопрягается с концепцией «потока сознания» американского психолога и философа У. Джеймса (1862–1910) («Принципы психологии», 1890), а также концепции З. Фрейда (1856–1939) («Поэт и фантазия», 1911) и К. Г. Юнга (1875–1961) («Метаморфозы и символы либидо», 1912; «Архетип и символ», 1916) о зависимости художественного творчества от мифа.

Не менее значимую роль в научно-философском обосновании «неомифологической» модели мира в историческом аспекте сыграли сравнительное изучение верований людей в разные периоды развития человеческой истории английского антрополога Дж. Фрейзера (1854–1941) (двенадцатитомное исследование «Золотая ветвь», 1890–1915) и мифопоэтическая трактовка истории немецкого философа О. Шпенглера (1880–1915) («Закат Европы», 1918–1922).

Шпенглер представляет историю человечества как ряд независимых друг от друга циклических культур, развитие каждой из которых подчинено определённому биологическому ритму и соответствует следующим стадиям: рождение, детство, молодость, зрелость, старость и «закат». Умирая, культура перерождается в цивилизацию, которая представляет собой окостенение органической жизни культуры, её распад, механистичность. Вместе с культурой в стадии упадка отмирают и её моральные системы, ценностные ориентиры. Моральный и религиозный кризис начала XX в., по мнению Шпенглера, является несомненным симптомом заката западной цивилизации.

В теории циклического развития культур О. Шпенглера отражена специфика мифологической концепции времени и истории, которая находит выражение в циклическом построении художественного произведения и связанного с ним возрастания значимости повтора и лейтмотива – основных приёмах новаторской поэтики «неомифологической» литературы XX в.

Центральным моментом циклической концепции модели мира О. Шпенглера для развития культуры XX в., наполняющим её новым идейно-философским содержанием, является бинарная логическая оппозиция «культура – цивилизация», заостряющая внимание на общем кризисе культуры, обесценивании духовных критериев в завершающей стадии развития цивилизации. Данное положение как нельзя лучше отражает кризисное состояние в сфере идеологии начала XX столетия и находит выражение в литературе европейских стран в целом и Великобритании в частности, представленной писателями всех школ и направлений, включая как мастеров традиционного реалистического направления – Г. Уэллса, Дж. Голсуорси, так и новаторов модернизма – Дж. Джойса, Т. С. Элиота, В. Вульф.

Взгляды группы Блумсбери, представляющей субъективистское крыло модернистского направления в английской литературе XX в., на историческое развитие человечества носили характер скорее эстетический, нежели историко-социальный. Начало XX столетия блумсберийцы воспринимали как период, отмеченный закатом человеческой цивилизации в противовес эпохам истинных цивилизаций – века Перикла в Афинах, эпохи Возрождения в Италии, XVIII в. во Франции. Цивилизация, по утверждению Клайва Белла (1881–1964), искусствоведа и наставника блумсберийцев, была возможна лишь благодаря существованию «просвещённого класса», «аристократов духа», служащих Искусству, которое, в свою очередь, трактовалось как необходимое условие существования Цивилизации и единственное средство, способное предотвратить её упадок. Блумсберийцы были единодушны во взгляде на искусство как на самую важную сторону жизни общества и высшее проявление возможностей человека, приветствовали художественные инновации и свято верили, что только искусство способно предотвратить войны и социальные потрясения. Апелляция к идеализированному прошлому и «чистому искусству» означала, с их точки зрения, спасение и очищение человеческой души, способной возродить истинную цивилизацию.

Эти умонастроения находят выражение в творчестве ярчайшей представительницы группы Блумсбери Вирджинии Вульф (1882–1941). Её творчество отмечено чувством опасения перед лицом надвигающейся общественной катастрофы, духовного банкротства, дезориентации, и вместе с тем её книги пронизывает восторженное любование красотой, которой угрожает смерть.

Неоромантик и неоруссоист Д. Г. Лоуренс (1885–1930), создатель оригинального мироучения – «новой религии», сущность которого проявляется во всём его творчестве в виде яростного протеста против поработившей человека «механической цивилизации» XX столетия – века индустриализации и дегуманизации человеческой природы и противопоставления ей возрождения «естественных» начал человеческой личности. Антиномия «цивилизация – культура» в произведениях Лоуренса предстаёт в виде противопоставления таких понятий, как деньги, злоба, классовая ненависть, смерть, с одной стороны, и душа, плоть, инстинкты, жизнь – с другой. Предрекая «скорое падение современной цивилизации в бездонную пропасть», Д. Г. Лоуренс рисует картину медленного и печального увядания вымирающей расы людей, скатывающихся к духовному идиотизму и постепенно превращающихся под воздействием выхолащивания их внутренней и эмоциональной жизни либо в полуживотных, либо в «маленькие суетливые механизмы» [3].

Современное состояние цивилизации, одержимой жадной властью денег, по убеждению Лоуренса, провозглашает примат материального, «превознося блага индустриализации и классовое бесстыдство» [4]. Такая цивилизация убивает в человеке всё человеческое, высасывает всю радость из него, и потому человек обречён на гибель, а вместе с ним и тот проклятый мир, паразитирующая цивилизация.

Самоценная «поэтическая мифология» Д. Г. Лоуренса бросает вызов и христианской этике, и рационалистическому культу разума и отражает восприятие современного ему состояния общества после Первой мировой войны, которая нарушила эволюцию существующего строя, уничтожила традиции, верования, духовные ценности, служившие его опорой, как предельного состояния абсурда. Это ощущение абсурдности существующего мира характерно для ранних романов сатирической направленности У. Льюиса (1882–1957), О. Хаксли (1894–1963). Воссоздавая в своих произведениях образ современного мира как безумного и маниакального в своих страстях, механизированного и непостижимого, писатели-«абсурдисты» ставят проблему выживания в обществе, утратившем свой смысл.

Заявленный О. Хаксли в своём раннем стихотворении в прозе «Карусель» (1916) метафорический образ мира в виде замкнутого круга, по которому человек обречён двигаться, будучи не

в состоянии выйти за его пределы, лежит в основе ранних его «буффонад огромного масштаба» [5] – «Шутовской хоровод» (1923), «Контрапункт» (1928). В этих произведениях О. Хаксли особо остро запечатлено мироощущение абсурдности бытия как круговерти, приближающей современную цивилизацию к собственной гибели.

Скептическое отношение О. Хаксли к цивилизации XX в., его агностически-пессимистическая концепция мира приводят писателя к выводу, что всякие попытки «научно» перестроить реальное человеческое общество в соответствии с той или иной идеальной моделью неизбежно предполагают уничтожение в человеке того, что связано со стремлением к постижению абсолютных ценностей – Истины, Добра, Красоты и сохранению лишь постижимых утилитарных потребностей. Именно на такой основе выстроено антиутопическое мироздание из его романа «О дивный новый мир» (1932), результат литературно-философской полемики с утопией Г. Уэллса «Люди как боги» (1923).

Перспективы развития общества и современной цивилизации под воздействием научно-технического прогресса, рационального начала стали основной темой социально-фантастических романов Г. Уэллса (1886–1946), отстаивающего реалистические тенденции в английской литературе. В его романах находит отражение двойственность мировосприятия, свойственная самому автору. С одной стороны, он желает верить в ««утопический рай» на земле», созданный в результате подчинения природы силам человеческого разума, а также путём преодоления человеческих пороков научно-экспериментальным путём (романы: «Современная утопия», 1905; «Люди как боги», 1923). Он полагает возможности человека неисчерпаемыми, что подкрепляется величайшими научными открытиями. Вместе с тем, Уэллс осознаёт несовершенство человеческой природы и окружающего его социума, когда научные открытия и технические достижения человека способны обратиться против него самого, ставя под угрозу факт его существования (романы: «Машина времени», 1895; «Человек-невидимка», 1897; «Борьба миров», 1898). Идея преобразующего мир научного знания нерасторжимо связана в творчестве Г. Уэллса с нравственным аспектом, острой социальной критикой, размышлениями над судьбами человечества.

Если определяющим моментом для дальнейшего развития цивилизации Г. Уэллс полагает развитие научных технологий, то для его современника, разделяющего реалистические взгляды на искусство, Дж. Голсуорси (1867–1933) таковым становится традиция, нравственный потенциал которой способен предотвратить социальную деструкцию. На смену сатирическому изображению оплота современного английского общества – буржуазии, критическому обзору пороков мира собственников в «Саге о Форсайтах» (1906–1928) приходят размышления о необходимости незыблемых убеждений, традиций, способных удерживать разрушающийся мир в последней трилогии писателя «Конец главы» (1933). Представителей старинного дворянского рода Черрелов, связанных с родной землёй глубокими корнями и чувством долга, Голсуорси стремится представить опорой Англии, символом её оплота. Выношенные веками традиции, нравственный кодекс чести, непререкаемая, как закон, идея служения обществу для тех, кто наделён властью, а значит, и ответственностью, ставится писателем выше личностных устремлений, ведущих к анархии и произволу.

Мировые катаклизмы, потрясшие мир в начале XX в., побуждают многих деятелей культуры в поисках путей сохранения цивилизованного существования и преобразования общества на благо человека обратиться к богостроительным идеям. Так, в качестве единственного и действенного средства спасения социума видится Г. Уэллсу перевоспитание людей, внушение им принципов христианской морали (трактаты: «Бог, невидимый Король», 1917; «Неугасимый огонь», 1919).

Обращение к христианству как вероучению, постулирующему смысл всего сущего и способного возродить духовные ценности в целях сохранения человеческого сообщества, предлагают и такие писатели-мыслители, как Т. Э. Хьюм (1883–1917), Х. Беллок (1870–1953), Г. К. Честертон (1874–1936). В период 1900–1914 гг. Х. Беллок и Г. К. Честертон ведут остроумную полемику против агностиков-социалистов, пропагандируя идеи римского католицизма, полагая его всеохватывающей религией, пробуждающей в человеке все духовные и нравственные потенции.

Дихотомия традиция-прогресс в рамках парадигмы ценностей того времени представлена в идейно-философской концепции представителей рационалистического крыла литературы модернизма П. У. Льюиса (1882–1957), Т. С. Элиота (1888–1965), Э. Л. Паунда (1885–1972) в виде антиномии культура-цивилизация. Духовная культура, определяемая этикой христианства, и материализованная цивилизация, скатывающаяся к хаосу, являются определяющей идейно-тематической антитезой-антиномией поэтики неоклассицистов Элиота и Паунда.

В своих воззрениях английские неоклассицисты опирались на теоретические положения признанного лидера данного течения Т. Э. Хьюма (1883–1917), который в возвращении средневекового мировосприятия видел средство преодоления нравственного и социального хаоса. В теоретических

работах, вошедших в опубликованный посмертно сборник «Размышления» (1924), Хьюм выносил приговор переходящим ценностям нынешнего века и превозносил абсолютные истины Средневековья [Roberts:48]. Во взглядах Т. Э. Хьюма на искусство отразилась его градация ценностей на абсолютные, или религиозные, и переходящие, которые исходят от человека. Искусство, по его мысли, призвано служить высшим целям, т. е. религии. Примером высокого служения, с его точки зрения, была культура Ранней Византии или философия Р. Декарта, которые обладали сверхъестественностью.

Произведение искусства, по Хьюму, как результат сверхчувственного восприятия должно было обладать строгой дисциплиной, чёткой геометрической структурой и ясной, сдержанной образной системой, нацелено на сверхъестественное.

Основные положения учения Т. Э. Хьюма после его гибели в 1917 г. на поле сражения Первой мировой войны были подхвачены и развиты его учениками У. Льюисом (1882–1957), Т. С. Элиотом (1888–1965) и Э. Л. Паундом (1885–1972). По мнению последователей учения Т. Э. Хьюма, Э. Паунда и Т. С. Элиота, миражные ценности буржуазной цивилизации, заложенные в эпоху гуманизма, Ренессанса, вытеснили и подавили органику и целостность истинной культуры.

Ранние поэмы Т. С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Пруфрока» (1917), «Бесплодная земля» (1922) и «Хью Селвин Моберли» (1917) Э. Паунда представляют собой плач по уходящей эпохе, но вместе с тем и жесточайшую критику современного состояния цивилизации; их переполняют образы опустошённости и отчаяния, смерти духовной, неизбежно ведущей и к физической, ужаса перед настоящими и грядущими мировыми катаклизмами, бессилия мысли и немощности духа, свойственные современному обществу.

Первопричину духовного оскудения западного мира неоклассицисты видят в духе буржуазности – оплоте современной цивилизации. Для его описания как метафоры зла, разъедающего мировое сообщество, Паунд находит ёмкий и страшный образ – «Usura». Это имя богини, верней, дьяволицы, с женским латинизированным окончанием, образовано от английского «usure» – «ростовщичество», «извлечение выгоды» [6]. «Usura» в мире, каким его видит Паунд, – это метафизическое зло в чистом виде, поскольку предметом ростовщических сделок являются уже сами духовные дары.

Стремление противодействовать хаосу и остановить разрушение фундаментальных основ культуры, а тем самым – норм разумного, целостного, одухотворённого человеческого существования, определяет характер эволюции Т. С. Элиота как поэта и идеолога. Поиск неразрушимого этического идеала к концу 20-х гг. XX в. всё более последовательно сопрягается у Элиота с христианским сознанием. Христианство, как это видится Элиоту, «предлагает возможный вариант социальной идеи единства, в противном случае человечество лишь усугубляет хаос» [7]. Реально-историческим воплощением последнего Элиот считает фашизм, который приравнивает к язычеству, варварству. Антиномия цивилизация–культура в сознании позднего Элиота трансформируется в вариант евангельской – язычество–христианство.

«Неомифологические» искусство и литература, начиная со 2-й четверти XX в., окончательно закрепляет связь мифологии с темами современности, с вопросом о путях человеческой истории, что проявляется в возрождении интереса к жанру исторического романа (Дж. Джойс «Поминок по Финнегану», 1939), возникновении нового жанра в литературе – антиутопии, виднейшими представителями которой являются писатели Великобритании О. Хаксли («О дивный новый мир», 1932; «Остров», 1961) и Дж. Оруэлл («Звероферма», 1945; «1984», 1949).

Мифологизм как форма целостного познания сущности мироздания подводит к своеобразному мифологическому трактованию действительности, идеализированному, подчас иллюзорному, с точки зрения обыденного и рационалистического сознания, способу решения исторических, экономических, социальных проблем. Мастера слова «новой», модернистской, литературы открывают свой способ контролировать, приводить в порядок, придавать очертания и смысл той грандиозной панораме безнадёжности и анархии, которую представляет современная история» [8]. Современность в их произведениях поверяется величию древнего мифа.

Мифоцентрическое, или мифопоэтическое, произведение заимствует у мифа мотивы, темы или её части и использует их как структурообразующий элемент или как содержательный материал для создания обобщающего или частного метафорического художественного образа, для чего привлекает символ, аллюзию, парфраз. Для творчества Дж. Джойса, Д. Г. Лоуренса, Т. С. Элиота, Э. Л. Паунда характерно обращение к нетрадиционным символам и образам, представляющим примеры оригинальной мифологизации обыденности, жизненных наблюдений, что даёт возможность сращения с натуралистически-бытовой манерой письма. Мифологизация житейской прозы с её алогичностью и противоположностью здравому рассудку, вытеснением духовных начал бессодержательными

стереотипами мира буржуазной пошлости, рутиной доводится до необычайной последовательности, создавая ироничное обыгрывание, «травестию «высокого» мифа» [9], его стиля, мотивов, традиционных образов. Ирония становится частым признаком «неомифологической» литературы. Ироническую перелицовку библейских мотивов и тем гомеровской «Одиссеи» являет собой роман Дж. Джойса «Улисс» (1922), евангельских и буддийских легенд, «Персиваля» Кретьена де Труайя – поэма Т. С. Элиота «Бесплодная Земля» (1922).

Наряду с этим следует отметить трагический оттенок иронизирования, поскольку повседневность с её рутинным социальным и житейским опытом перерастает в некую неодолимую и непознаваемую силу – рок, фатум. Происходит модификация античной мифологемы «Злой Судьбы», повелевающей человеком. «Трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает уже не внешняя природа, а сотворённая им самим цивилизация, отчего мифологическое мироощущение приобретает не героический, а трагифарсовый, гротескный характер» [9].

Сниженность пафоса наряду с иррациональным началом бытия в «неомифологической» литературе XX в. определяет и «новый» тип героя – «маленького человека». Вместо культурного героя, приносящего человечеству блага цивилизации (Тот, Прометей), героя-освободителя, одолевающего в борьбе хтонических чудовищ или иных демонических противников (Геракл, Персей, Беллерофонт), на сцену выходит «антигерой», «человек без свойств» (Р. Музиль), модель человека вообще. Выбор на него падает потому, что он является существом в высшей степени страдательным, подавляемым обществом, являясь жертвой отчуждения [10]. Стереотипный характер поведения и мышления героя обезличивает его, лишает индивидуальных черт, превращает в героя-маску или героя нескольких масок. В связи с этим актуализируются такие приёмы, как двойничество и «оборотничество» персонажей. Данные особенности представляют «радикальный» тип художественного «неомифологизма» в персонажной сфере. В структурном плане таковыми являются нарушение причинно-следственных связей, причудливое совмещение разных времён и пространств, долженствующих обнаружить и ещё более подчеркнуть сверхлогичную основу современного бытия. В образной сфере наблюдается введение отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань повествования, обогащение конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями, создание собственной оригинальной системы мифологем.

Библиографический список

1. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.
2. Цит. по: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
3. Lawrence D. H. *Lady Chatterly's Lover*. – L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
4. Lawrence D. H. *Lady Chatterly's Lover*. – L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
5. Frierson W. C. *The English novel in transition, 1885-1940*. – N.Y., Cooper Square Publishers, 1965, 333 p.
6. Нестеров, А. Я пытался написать рай... / А. Нестеров // Литературное обозрение, 1995. – № 6. – С. 56–63.
7. Donaghue D. *The old moderns*. – N. Y., Alfred A. Knopf, 1994, 384p.
8. Элиот, Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе / Т. С. Элиот. – М. ЗАО «Совершенство», 1997. – 357 с.
9. Аверинцев А. С.. Мифы / А. С. Аверинцев, М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
10. Чернова, И. Б. Модернизм / И. Б. Чернова // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – Т.4. – 1023 с.

I. V. Berdnikova, Omsk State Pedagogical University

«NEOMYTHOLOGISM» IN THE ENGLISH LITERATURE OF THE XX C.

The article is devoted to the review of literature – myth interrelations in the English literature of the XX c. Here are considered the aesthetic views of the artists representing “the subjective wing” of the modernistic trend (the Bloomsbury group, V. Woolf, A. Huxley, D. H. Lawrence) and its “rational wing” (P. W. Lewis, T. E. Hulme, T. S. Eliot), as well as the realistic trend (H. Wells, J. Galsworthy) in the English literature of the XX c. The artistic approaches of the stated men of letters are studied in terms of modern philosophy (O. Spengler, J. Fraser, S. Freud, K. Yung, H. Bergson), from the point of view of «neomythologism», the specific features of which and its realization in fiction are presented in the article.

Keywords: «neomythologism», antinomy «civilization» – «culture», tradition, absolute criteria.

References

1. Khalizev V.E. The theory of literature. Moscow, Vyshaya shkola, 2002, 437 p.
2. Сyt.: Literary encyclopedic dictionary. Ed. by V.M.Kozhevnikov, P.A.Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987, p. 751.
3. Lawrence D.H. Lady Chatterly's Lover. L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
4. Lawrence D.H. Lady Chatterly's Lover. L., Penguin Popular Classics, 1997, 314 p.
5. Frierson W.C. The English novel in transition, 1885-1940. N.Y., Cooper Square Publishers, 1965, p.333.
6. Nesterov A. I tried to write the paradise... – *Literary Review*, 1995, no. 6, pp. 56-63.
7. Donaghue D. The old moderns. – N.Y., Alfred A. Knopf, 1994, p.384.
8. Eliot T.S. The purpose of poetry. Articles about literature. Moscow, Sovershenstvo, 1997, p. 357.
9. Averintsev S.S., Epstein M.N. Myths // Literary encyclopedic dictionary. Ed. by V.M.Kozhevnikov, P.A.Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987, p.751.
10. Chernova I.B. Modernism // Short literary encyclopedia in 9 volumes. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1967, vol.4., p. 1023.

© И. В. Бердникова, 2016

Автор статьи – **Ирина Владимировна Бердникова**, кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, e-mail: iberdnikova@gambler.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет.

Э. И. Коптева, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

УДК 82.091

DOI 10.17238/issn1998-5320.2016.24.34

А. В. Биякаева,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРЫ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Статья рассматривает космополитический подход в анализе основных проблем, находящихся в центре внимания прозы магического реализма в процессе его исторического развития, а также некоторых экстратекстуальных аспектов. Также внимание уделено уместности применения теории идентичности при разборе системы персонажей в произведениях современных магических реалистов.

Ключевые слова: магический реализм, космополитизм, проблематика, идентичность, культура, унификация, конфликт.

Космополитизм – безразличие к межэтническим и межконфессиональным барьерам; учение о мировом гражданстве – идея о таком устройстве мира, где он представляет собой единое сообщество для людей, вне зависимости от их политической принадлежности [1].

На сегодняшний день космополитизм является методологическим подходом для целого ряда социальных и гуманитарных наук. Так, Стэнфордская философская энциклопедия, помимо морально-космополитизма (космополитизма *per se*), выделяет политический (с опциональным делением на два подвида: собственно политический и юридический), экономический и культурный [1].

Культурный космополитизм представляет собой адаптацию космополитизма морального к сфере искусствоведения (в нашем случае – литературоведения). В числе прочих возможных областей своего применения космополитический подход весьма эффективен в теории магического реализма – при анализе как литературных, так и экстралитературных аспектов.

К группе литературных аспектов, адекватных для применения космополитического анализа, относится специфическая проблематика магического реализма. Последний, как известно, озабочен такими конкретными социально-политическими, историческими, межэтническими проблемами, как рабовладение, колониистские войны, беззакония властей, насильственная унификация, потеря корней, уничтожение традиций, геноцид и проч., а также такими более общими темами, как нормальность, истинность, восприятие человеком иного как враждебного и угнетение человека человеком.